

Славяноведение, 2025, № 2, с. 119–127

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2025, No. 2, pp. 119–127

DOI: 10.31857/S0869544X25020118, EDN: IYHJZY

Оригинальная статья / Original Article

Старость как ценность в болгарской и новогреческой фразеологии

©2025 г. Христина Г. Марку

Фракийский университет имени Демокрита
(Комотины, Греция)

cmarkou@bscc.duth.gr

Аннотация. В статье рассматриваются аксиологические характеристики концепта «старость», выявленные на основе фразеологического материала болгарского и новогреческого языков. Рабочий корпус содержит фразеологические единицы различной степени устойчивости: как идиомы, так и более или менее фиксированные коллокации. Особое внимание обращается на сложность и амбивалентность оценки концепта «старость», а также на переход в его рамках от ценности к антиценности. Наши результаты подтверждают предварительную гипотезу о том, что, несмотря на значительные культурные и аксиологические параллели, в кодировании концепта «старость» наблюдается высокая степень языковой специфики. В обоих языках фразеологические единицы, в которых старые люди являются объектом иронического отношения и насмешек, количественно превосходят все остальные. Кроме того, в эту категорию входят единицы с относительно низкой межязыковой эквивалентностью и высокой степенью языковой и культурной специфики.

Ключевые слова: старость, фразеология, амбивалентность, ценность, антиценность, болгарский, новогреческий.

Ссылка для цитирования: Марку Х. Старость как ценность в болгарской и новогреческой фразеологии // *Славяноведение* 2025, № 2. С. 119–127.
DOI: 10.31857/S0869544X25020118, EDN: IYHJZY

The «Old Age» as a Value in Bulgarian and Modern Greek Phraseology

©2025 г. Christina G. Markou

Democritus University of Thrace
(Komotini, Greece)

cmarkou@bscc.duth.gr

Abstract. The article deals with the axiological characteristics of the concept ‘old age’, revealed on the basis of the phraseological material of Bulgarian and Modern Greek languages. The working corpus contains phraseological units of different degrees of stability: both idioms and more or less fixed collocations. Special attention is paid to the complexity and ambivalence of the evaluation of the concept ‘old age’, as well as to the transition within its framework from value to anti-value. Our results confirm our preliminary hypothesis that, despite significant cultural and axiological parallels, there

is a high degree of linguistic specificity in the encoding of the concept 'old age'. In both languages, phraseological units in which old people are the object of irony and ridicule quantitatively exceed all others. In addition, this category includes units with relatively low interlingual equivalence and a high degree of linguistic and cultural specificity.

Keywords: old age, phraseology, axiology, ambivalence, value, anti-value, Bulgarian, Modern Greek.

For citation: *Christina G. Markou. The «Old Age» as a Value in Bulgarian and Modern Greek Phraseology // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. No. 2. P. 119–127. DOI: 10.31857/S0869544X25020118, EDN: IYHJZY*

1. Введение

В статье раскрываются оценочные характеристики концепта «старость», которые являются элементами «общего для носителей языка фонда знаний» и функционируют как культурные пресуппозиции (cultural presuppositions) [Яворская 2013, 45–58], отраженные во фразеологических системах болгарского и новогреческого языков. Хотя аксиологическое содержание понятия «старость» и социальные функции стариков изменяются во времени [Седакова 2015, 254], во фразеологии запечатлены наиболее устойчивые и относительно неизменные аспекты ценностной картины мира.

Цель исследования – выявить значимые элементы концепта «старость», отражающие типичные модели поведения, роли, характеристики, правила, ограничения, запреты и пр. на основе анализа фразеологического материала в болгарском и новогреческом языке. Остановимся преимущественно на аксиологических параметрах концепта, уделяя особое внимание неоднозначности оценок и переходу от «ценности» к «антиценности» в его рамках, а также на его этнокультурной и этнолингвистической специфике. Поскольку ценности существуют не изолированно, а коррелируют друг с другом, они образуют определенное аксиологическое поле, которое, в свою очередь, связано с другими аксиологическими полями [Седакова, Китанова, Женьюх 2019, 7].

Рабочий корпус содержит фразеологические единицы различной степени устойчивости: как фразеологизмы, отвечающие всем критериям идиоматичности [Баранов, Добровольский 1996, 51–64], так и более или менее фиксированные коллокации, которые явно относятся к концепту «старость». Необходимым условием для включения единиц в рабочий корпус является наличие в структуре фразеологизмов слов-индикаторов, которые отсылают к концепту «старость» и интерпретируют специфические особенности старых людей.

Источниками языковых данных послужили специализированные фразеологические словари и сборники, а также толковые словари болгарского и новогреческого языков.

2. «Старость» в свете словарных определений

Несмотря на то, что наше внимание направлено в основном на фразеологический материал, мы учитываем также и словарные определения, поскольку лексикографическое описание отражает общее содержание понятия, очерчивает его границы и выявляет его основные параметры. На денотативном уровне словарная информация фиксирует значения, обладающие высокой степенью устойчивости в языке. «Старость» как денотат сам по себе не имеет четкой оценочной характеристики – в языке оценка проявляется на синтагматическом уровне, в словосочетаниях и выражениях. «Оценка появляется при градации

признака и его соотношении с нормой; при этом оценка зависит от точки зрения субъекта, от языкового образа и от конкретного социокультурного контекста» [Седакова 2015, 237].

В болгарском языке концепт «старость» выражается дериватами от общеславянских *star-*, *bab-*, **dǣd-* [Там же, 239], но и от стилистически маркированного *дѣрт*¹. Значение существительного *старост* определяется: а) как период жизни после взросления, в течение которого функции организма постепенно ослабевают; б) качество старого человека (РБЕ). Производные от корня *дѣрт*- относятся к разговорной речи, выражая иронию и презрение. На коннотативном уровне *дѣрт* — это еще и тот, кто имеет большой жизненный опыт, поэтому способен справиться с любыми трудностями и найти выход из любой ситуации.

В новогреческом языке интересующее нас понятие выражается лексемами *γῆρας* (книж., от др.-гр. *γῆρας*)², *γερатеiά/γῆρατεiά* (от ср.-гр. лексем), *γεράματα* (разг.). Значение слова *γῆρας* определяется как биологические преклонный возраст организма с вытекающими отсюда функциональными изменениями³. Согласно словарной дефиниции, лексемы *γῆρατεiά/γερатеiά*, *γεράματα* означают последний период жизни человека, следующий за зрелостью и характеризующийся ослаблением биологических функций и снижением жизненных сил (ΛΚΝ).

3. Анализ оценочных фразеологических единиц, относящихся к концепту «старость»

В языковом образе старости фиксируются различные особенности, каждую из которых можно оценить отдельно. К ним относятся как характерные черты внешности, так и физиологические, психо-интеллектуальные или поведенческие особенности, присущие людям пожилого возраста.

3.1. Старость как ценность

Положение и роль старых людей в семье и обществе связаны с полярно противоположными сферами оценок: с силой и слабостью, с мудростью и глупостью, с греховностью и безгрешностью и т.д. С одной стороны, старики пользуются уважением и авторитетом, активно участвуют в жизни семьи и общества, обеспечивают преемственность традиций и гарантируют порядок, потому что обладают опытом и мудростью. С другой, на более личном уровне они являются объектами иронии и насмешек, особенно если демонстрируют неадекватное для своего возраста поведение, ими пренебрегают, считая их ненужными и сравнивая с детьми [Седакова 2015, 243, Ποῦχγερ 2022, 335].

Закодированный во фразеологии оценочный образ старости многообразен и неоднозначен. Собранные нами фразеологические единицы можно разделить на две категории в зависимости от положительного или отрицательного знака оценки (старость как ценность и антиценность). Эти категории количественно и качественно неравномерны (количество единиц, комментирующих исключительно положительные аспекты старости, незначительно по сравнению с единицами, обозначающими старость с отрицательной оценкой). При этом

¹ От и.-е. **dr-to-s*, связано с древнегр. *δάρτος, δρᾶτος*, от глагола *δέρω* ‘скоблить’. В болгарском *дѣрт* — это страдательное причастие от глагола *деpa* ‘скоблить’ с первоначальным значением ‘оборванный, обедневший, ослабленный’, от которого произошло значение ‘физически слабый-старый, слабый, немощный’ (Български етимологичен речник, 1, 465).

² С происхождением от и.-е. **ger-* ‘старый, зрелый’, ср. санскр. *jarant-* ‘старый’, арм. *cer*, старослав. *zireti* ‘зреть’, герм. *Kerl* ‘ανδρωπᾱκος’, κ.ά. (Μπαμπινιώτης 2008, 409).

³ Μπαμπινιώτης 2008, 413.

словосочетания, называющие, характеризующие и оценивающие негативные и неприемлемые стороны предметов, явлений и признаков обладают более яркой образностью и выразительностью [Крумова-Цветкова 2010, 129]. Очень часто эти две «версии» старости – уважительная и сатирическая – сосуществуют, показывая замечательную диалектику между положительным и отрицательным образом и оценкой [Πούχγερ 2022, 336–337].

3.1.1. Старость – уважение и авторитет

Важнейшим ценным приобретением пожилых людей является уважаемая и респектабельная позиция, которой молодые могут, если захотят, воспользоваться, перенимая опыт и слушая советы: *Да слушаи старо, не те заболява главата* [Если будешь слушать старых, голова не будет болеть]⁴. *Γέρον αν δεν έχης, γέρο αγόρασε* [Если у тебя нет старика, купи себе]. Но в то же время описываются и комментируются и полярно противоположные черты, типичные для преклонного возраста: *Όπου γέρος κακό σκάνταλο, όπου γριά κακή βουλή* [Где старик, там скандал, где старуха – там плохой совет], *Стар вълк на кучетата маскара* [Старый волк – собакам посмешище].

С одной стороны, старость связывается с мудростью, практическим опытом и умением справляться с житейскими ситуациями, а с другой – с физической непривлекательностью и отвращением. Красноречивым примером двоякого отношения к старости являются поговорки: *Γέρου σάλια να σιχαθείς, γέρου λόγια να συμβουλευτείς* [Слюны старика избегать, но совета у старика просить]. *Тου γέροντος ν' ακούς το λόγο, κι όχι τον πόρδο* [Слушать слова старика, а не его пердёж].

Поскольку старость ассоциируется с уважением и престижем, важно отметить, что в староболгарском языке прилагательное старь-ьи⁵ используется как перевод греческой лексемы *πρεσβύτερος* (самый старший, старейший), но и в значении 'первый', т.е. тот, кто занимает первое место, стоит выше других, руководит, находится впереди всех (этимологически из др.-гр. *γήρας* 'старость', параллельная форма *γέρας* 'отличие, награда'⁶. Кроме значения 'старый (по возрасту)', лексема *γέρας* указывает также на почетное положение, отведенное старым людям⁷.

3.1.2. Старость – мудрость и хитрость

Положительная оценка пожилого возраста обычно связывается с жизненным опытом и мудростью, которые приобретаются путем накопления знаний и с возможностью передачи их молодым людям. Надо, однако, отметить, что во фразеологии даже положительная оценка старости на коннотативном уровне представлена двояко: старик обладает мудростью и опытом, но и умением решать трудные ситуации хитростью. Это положение иллюстрируют примеры фразеологизмов с компонентами-зоонимом: *от стара коза яре* [от старой козы козленок], *стар вълк* [старый волк], бывалый, опытный, но и *стара лисица* [старая лиса], старый хитрец. В новогреческом есть полные соответствия *γερόλυκος* [старый волк], пожилой человек с большим опытом, *γριά/γέρικη αλεπού* [старая лиса], опытный и хитрый старик. К этой группе

⁴ Геров 1977, 5, 254.

⁵ СтБР, 2, 735.

⁶ *Μπαμπινιώτης* 2008, 413

⁷ *Ibid.*, 408.

фразеологических единиц можно отнести и *стара кримка*⁸, опытный, ловкий и хитрый человек.

3.2. Старость как антиценность

Основная группа фразеологизмов интерпретирует различные негативные аспекты концепта, представляя старость как антиценность. Старость связывается с увяданием красоты, физической слабостью, потерей самостоятельности, с интеллектуальной немощью, хрупким здоровьем, болезнями и смертью. Старость воспринимается личностью как инаковость и отчуждение от самого себя [Славова 2018, 68–71]. Основные признаки старения следует интерпретировать как элементы семиотической системы, уделяя особое внимание культурно детерминированным вариациям [Седакова 2014, 97].

3.2.1. Старость – смерть

Как возраст, наиболее близкий к переходу в «иной» мир, старость аксиологически ассоциируется как с божественным, так и с демоническим началом [Там же, 103–104]. Ассоциация старости с болезнями и смертью приводит к формированию весьма негативного отношения к ней. Как в греческом, так и в болгарском языке существуют многочисленные фразеологические единицы, которые интерпретируют связь между старостью и смертью. Это словосочетания с прозрачной внутренней формой (образным компонентом), близким денотативно-оценочным значением и высокой степенью межкультурной эквивалентности: *с едния крак в гроба е* [стоять одной ногой в могиле], *погледнал е в гроба* [заглянул в могилу], *колиото⁹ в устата му* [коливо у него во рту], гр. *είναι με το ένα πόδι στον τάφο* [стоит одной ногой в могиле], *τον γέρον σκότταца, τον χάρον μήνυца* [спотыkanie старика – послание Харона]. Сюда же относятся и болгарские фразеологизмы, мотивация которых основана на эмпирическом наблюдении – специфическом геронтологическом запахе, который ассоциируется со смертью. Старческий запах, наряду с явными внешними признаками, такими как седые волосы, морщины, слабость, и т.д., лежит в основе мотивации на лексико-фразеологическом уровне: *мирише на гроб* [пахнет могилой], *мирише на пръст / на земя* [пахнет землей], *душата му мерише на плесен* [душа пахнет плесенью]. В греческом языке мы не нашли аналогичных словосочетаний.

Аксиология старости отражает также традиционное восприятие предела и нормы по отношению к продолжительности человеческой жизни, которая предопределена, при этом слишком долго жить считается недопустимым [Там же, 107]. Идея определенной судьбой продолжительности жизни зафиксирована во фразеологии как греческого, так и болгарского языка: *дните ми са преброени (прочетени)*, гр. *είναι μετρημένες οι μέρες μου* [мои дни сочтены], *свършат ми се дните, τελειώνουν οι μέρες μου* [мои дни истекают]; *идва часа ми, удря ми часа*, гр. *έρχεται η ώρα μου* [мой час приближается, мой час бьет].

Еще один интересный мотив во фразеологии – это связь между возрастом человека и правом на питание в традиционном социуме, которое он сохраняет на протяжении определенного периода своей жизни, пока он полезен и продуктивен. В приведенных ниже фразеологизмах представлены значения, раскрывающие синонимическую связь «старый = бесполезный» и на этой базе трактуется неизбежный конец жизни: *изял си е хляба*, гр. *(τα) έφαγε τα ψωμιά*

⁸ *Кримка*, вид старой винтовки, название которой происходит от фамилии ее изобретателя, но в болгарском языке параэтимологически связывается с Крымской войной (Български етимологичен речник, 3, 13).

⁹ *Коливо*, от гр. *κόλλυβο*, поминальное блюдо из вареной пшеницы, кутья поминальная.

του, τέλειωσαν/είναι μετρημένα/είναι λίγα τα ψωμιά του [съел свой хлеб, кончился его хлеб, его хлеб сосчитан, мало хлеба ему осталось].

В болгарском с тем же актуальным значением и прагматической функцией употребляется вариант, который отличается по образному компоненту: *изпял си е песента* [он спел свою песню], но также основан на идее «ненужности» пожилых людей после выполнения своей роли в жизни.

3.2.2. Старость — болезнь и немощность

Утрата физических сил и памяти, ухудшение здоровья и снижение функциональных способностей являются элементами фразеологического образа старости, которые оцениваются негативно. В болгарском языке в определенной группе единиц выражается обобщенная оценка старости как некрасивой и безобразной: *ста̀рост-ха̀рост*¹⁰, *старост* — *грѣдост*, [старость уродство]; *ста̀ро-ха̀ро* [старый, уродливый и злой человек]; *харило*, *мое старило*; *старост* — *на-кост* [старость — зло]; *старост* — *нерадост* [старость не радость].

В греческой традиционной культуре, где превозносится красота и молодость, старость ассоциируется и идентифицируется с внешней непривлекательностью, с уродством и болезнью, порождающими отвращение и брезгливость [Σέρρης 2007, 48, Πούχνης 2022, 338–339]. *Είντά ‘ναι ο γέρος; βήχας και φλέμα, πόρδος και ρέμα* [Старик — кашель и мокрота, пердеж и отрыжка].

3.2.3. Старость — посмешище

Старческий возраст связан с рядом правил поведения и обязательной сменой социальных ролей, причем их нарушение или несоблюдение считается осудительным, и это неодобрение отражено во фразеологии. Примером являются греческие композиты и соответствующие им болгарские устойчивые словосочетания с пренебрежительно-оскорбительным значением: *стара мома*, *γεροντοκόρη* [старая дева] ‘немолодая женщина со странным и вредным характером’; *γεροντοπαλίκαρο* ‘старый холостяк’; *γεροντοχορισμός* ‘странное и капризное поведение, свойственное пожилым людям’; *γεροντοφέρνω* ‘выглядеть старым или иметь старческие привычки и манеры, не соответствующие фактическому возрасту’; *τζατντόγρια* ‘старая и вредная женщина’; *παλιόγερος*, *παλιόγρια* ‘гадкий, противный старик, старуха’; *βρωμιόγερος*, *βρωμιόγρια* ‘вонючий старик, старуха’, оскорбительное и крайне уничижительное обозначение пожилых людей.

К этой категории можно отнести и многочисленные сложные слова в греческом языке с первым компонентом *γερο-* и *γεροντο-*, которые выражают иронию, уничижительно, а часто и оскорбительно комментируют утрату нормальных когнитивных функций у людей пожилого возраста: *γεροξεχούτης* ‘старик, который из-за возраста теряет память и делает глупости’; *γεροπαράξενος* ‘свое нравный старик’; *γερογκρινιάρης* ‘старый ворчун; капризный старик, который ворчит по пустякам’. В болгарском эквивалентами являются негативно-оценочные коллокации: *изкуфял старец* / *дѣртак* ‘обалдевший старик’, *изкукуругал дѣртак* ‘одуревший старик’, *дѣрта глава* ‘старая, пустая голова, тупица’.

Поведение тех, кто в связи с возрастом нарушает общепринятые правила поведения, зачастую подвергается критике и насмешкам. Возраст диктует определенные нормы в одежде и в поведении, а несоответствие поведения возрасту комментируется и оценивается негативно. В болгарской фразеологии есть ряд ярко экспрессивных единиц разговорного характера, содержащих компонент

¹⁰ *Харост* — от ст.-слав. корня **charъ* ‘слабый, больной, дряхлый’, но и ‘изношенный, испорченный, поврежденный’, ср. диал. *хар, хара, харо* ‘изношенный, испорченный’, субстантивированное *ха̀ро* ‘старый, уродливый и злой человек’ [Дейкова, Гарова 2015, 21].

дърт, которые употребляется для выражения пренебрежения или критического отношения к старикам: *дърт пергишин* ‘старый бабник; старик со славой сердцеда и поведением, не соответствующим его возрасту’; *дърт пръч* ‘старый козел’, *брада сива - глава дива* [борода седая, голова дурная]¹¹, *на дърт гъз, зелен бъз* [на старой жопе зеленая бузина]. Комментарий о несоответствующей возрасту одежде и поведении вообще: *на дърто дупе дрънкало* [на старой жопе погремущка] — негативная оценка старого человека, который ведет себя или одевается не по возрасту; *прилича му като на дъртел кован гердан* [идет ему, как старому хрычу кованое ожерелье].

Семантическими эквивалентами являются композиты в новогреческом сленге: *γεροκολασιμένος, γεροпаралуμένος, γεροπтерιπάντης, γεροπαλάβρας, γεροпаралуμένος γεροπιτσιλίκης* — все они называют сварливого или капризного старика, ухаживающего за женщинами гораздо моложе себя. Экспрессивную негативную оценку получают также и женщины, которые ведут себя не по возрасту: *дърта кранта* [старая кляча], *дърта каракуда* [старый карась], *дърта чан-та* [старая кошёлка], *дърта ама се озърта* [старуха, а ещё и оглядывается] — старуха, которая несмотря на свой возраст всё ещё обращает внимание на мужчин; *γριά φοράδα, κόκκινο σαλβάρι* [старая кобыла, красные шаровары], иронический комментарий о молодящейся женщине.

4. Вместо заключения

Предложенный в статье анализ аксиологического восприятия «старости» в традиционной картине мира на фразеологическом материале выявляет сочетание в этом концепте позитивных и негативных компонентов. Конечно, анализ не претендует на полноту ни в отношении использованного фразеологического материала, ни в отношении возможных подходов к его изучению.

Как видно из собранного нами языкового материала, количество фразеологизмов, демонстрирующих положительную оценку старости, меньше, чем количество единиц, комментирующих ее негативные характеристики. В обоих языках фразеологические единицы, в которых старые люди являются объектом иронического отношения и насмешек, количественно превосходит все остальные. Кроме того, в эту категорию входят единицы с относительно низкой межъязыковой эквивалентностью и высокой степенью языковой и культурной специфики. Для того, чтобы с уверенностью установить степени сходства и различия, должен быть проанализирован более обширный фразеологический материал. Нашей целью было показать, что существует широкое поле изучения «фразеологии старости» в сопоставительной перспективе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Български етимологичен речник, Т. 1. София: Издателство на БАН, 1971.
Герев Н. Речник на българския език. София: Български писател, 1975–1978. Т. 1–6.
Ничева К., Спасова-Михайлова С. и Чолакова К. Фразеологичен речник на българския език, Т. 1, 2. София: «Народна просвета», 1974 – 1975.
Речник на българския език (БАН). Т. 1–15. София: Академично издателство «Марин Дринов». [http://ibl.bas.bg/rbe/].
Старобългарски речник. Т. 2. Изд. «Валентин Траянов», София, 2009, 735 [https://dcl.bas.bg/lib/Starobalgarski_rechnik_tom2/#page/1/mode/1up].
Βλαχόπουλος, Σ. Λεξικό των Ιδιωτισμών της Νέας Ελληνικής, Κλειδάριθμος, Αθήνα 2007; Ντισούλης, Τ. Λέξεις και Φράσεις Παροιμιώδεις. Συμπρωτάκης, Αθήνα, 1989.

¹¹ Герев 1978, 1, 66

AKN=Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής, Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών [Ιδρύματος Μανόλη Τριανταφυλλίδη], Θεσσαλονίκη 1998.
 Μπαμπινιώτης, Γ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας, Γ΄ έκδοση, Αθήνα: Κέντρο Λεξικολογίας, 2008.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А., Добровольский Д. Идиоматичность и идиомы. // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 51–64.
- Дејкова Х., Гарова М. Историко-типологично изследване на речниковия състав на българския и полския език (думи с начално х-/ch-, h-) // Праславянско лексикално наследство в българския и в полския език. Известия на ИБЕ «Проф. Любомир Андрейчин». София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2015. С. 7–52.
- Кримова-Цветкова Л. Българските благословии, пожелания и клетви — част от националната самобитност и културното наследство. София: ИК «Емас», 2010, 448 с.
- Седакова И.А. Аксиология на старостта в българската традиционна картина на света // Българска етнология. Материали от Трети международен конгрес по българистика. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2014. С. 96–110.
- Седакова И.А. Аксиология на старостта в традиционната картина на мира на българ (на общеславянском фоне) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре, М.: Индик, 2015. С. 237–258.
- Седакова И.А., Китанова М., Женьох П. Предисловие // Взгляд на славянскую аксиологию. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 7–8.
- Славова В. Старостта и остаряването в представите на съвременния човек // Известия на Съюза на учените. 1/2018. С. 68–71.
- Яворская Г. Европа в украинских текстах (к проблеме вариативности концепта) // Etnolingwistyka 25. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2013. С. 45–58.
- Πούγχερ Β. Та γηραιά στην παραδοσιακή λαϊκή αντίληψη. Από τον σεβασμό στην απαξίωση. // (Μ. Γ. Μερακλής, Α. Ν. Δουλαβέρας, Α. Ε. Παπακυπαρίσης, Μ. Γ. Σέργης (επιμ.) Τρίτη Ηλικία. Διαχρονική και διεπιστημονική προσέγγιση, Θεσσαλονίκη: Σταμούλης 2022. Ρρ. 335–347.
- Σέργης Μ.Γ. Διαβατήριες τελετουργίες στον μικρασιατικό Πόντο (τέλη 19ου αι.-1922): Γέννηση, γάμος, θάνατος. Αθήνα: Ηρόδοτος, 2007, 352 с.

Рукопись поступила в редакцию 24.11.2024

Рукопись принята к печати 26.11.2024

REFERENCES

- Baranov A., Dobrovol'skii D. Idiomaticity and idioms. *Voprosy iazykoznanii*, 1996, no. 5, pp. 51–64. (In Russ.)
- Dejkova H., Garova M. Istoriko-tipologichno izsledvane na rechnikoviiia sustav na bulgarskiiia i polskiiia ezik (dumi s nachalno h-/ch-, h-). *Praslaviansko leksikalno nasledstvo v bulgarskiiia i v polskiiia ezik*. Izvestiia na IBE «Prof. Liubomir Andreichin». Sofia, Izdatelstvo na BAN «Prof. Marin Drinov» Publ., 2015, pp. 7–52. (In Bulg.)
- Iavorskaia G. Jevropa v ukrainskikh tekstakh (k probleme variativnosti kontsepta). *Etnolingwistyka*, 2013, no. 25, pp. 45 – 58. (In Russ.)
- Krumova-Tsvetkova L. *Bulgarskite blagoslovii, pozhelaniia i kletvi – chast ot natsionalnata samobitnost i kulturnoto nasledstvo*. Sofia, IK «Emas» Publ., 2010, 448 p. (In Bulg.)
- Puchner W. Ta girateia stin paradosiaki laiki antilipsi. Apo ton sevasmo stin apaxiosi. // (M. G. Meraklis, A. N. Doulaveras, A. E. Papakyparissis, M. G. Sergis (epim.) *Triti Ilikia. Diachroniki kai diepistimoniki prosengisi*, Thessaloniki, Stamoulis 2022, pp. 335–347. (In Greek)
- Sedakova I.A. Aksiologia na starostta v balgarskata traditsionna kartina na sveta. *Balgarska etnologia. Materiali ot Treti mezhdunaroden kongres po balgaristika*. Sofia, «Sv. Kliment Ohridski» Publ., 2014, pp. 96–110. (In Bulg.)
- Sedakova I.A. Aksiologiiia starosti v traditsionnoi kartine mira bolgar (na obshcheslavianskom fone). *Kategoriiia otsenki i sistema tsennostei v iazyke i kul'ture*, Moscow, Indrik Publ., 2015, pp. 237–258. (In Rus.)
- Sedakova I.A., Kitanova M., Zheniukh P. Predislavije. *Vzgliad na slavianskuii aksiologiiu*. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2019, pp. 7–8. (In Russ.)

- Sergis M.G. *Diavatiries teletourgies ston mikrasiatiko Ponto (teli 19ou ai. – 1922): Gennisi, gamos, Thanatos*. Athina, Irodotos Publ., 2007, 352 p. (In Greek)
- Slavova V. Starostta i ostariavaneto v predstavite na süvremennii chovek. *Izvestiia na Süiuza na uchenite*, 1/2018, pp. 68–71. (In Bulg.)

Received on 24.11.2024

Accepted on 26.11.2024

Информация об авторе:

Марку Христина Г.

кандидат филологических наук, профессор
Фракийский университет имени Демокрита
г. Комотины, Греция

ORCID: 0000-0002-8001-4933

E-mail: cmarkou@bscc.duth.gr

Information about the author:

Christina G. Markou

PhD (Philology), Professor
Democritus University of Thrace
(Komotini, Greece)

ORCID: 0000-0002-8001-4933

E-mail: cmarkou@bscc.duth.gr